УДК 378.147 DOI: 10.5281/zenodo.22771054 EDN: CABOOO

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОДХОДА «ОБУЧЕНИЕ СЛУЖЕНИЕМ» В РОССИЙСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

© 2026 ***Д. А. Фурсова, Д. А. Демина, И. А. Гусейнова, А. И. Горожанов***
ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет»

Исследование фокусируется на разрешении противоречий, возникающих при имплементации «Обучения служением» в российский образовательный контекст. Сделан вывод о том, что развитие отечественной методологии «Обучения служением» основывается не на прямом заимствовании, а на аксиологической адаптации западных практик, их синтезе с приоритетом традиционных ценностей и отечественной педагогической традицией для преодоления существующих барьеров и формирования гражданской идентичности выпускников вузов.

***Ключевые слова*:** Обучение служением, аксиология служения, методология Обучения служением, лингвоконцепт Служение, дискурсивный анализ, архетипы агентов служения

Введение. Переход к реализации государственной политики в ценностном поле ставит перед каждым российским государственным университетом вопрос об аксиологическом основании реализуемой образовательной программы и концептуального подхода. Соглашаясь с В.С. Никольским, отметим, что российская система высшего образования находится в ситуации поиска идентичности [1].

«Обучение служением» как образовательный подход и федеральная программа, появившаяся в 2022 году в системе высшего образования в России, призваны сократить разрыв между теоретической и практической подготовкой выпускников российских университетов, а также способствовать конструированию идентичности. Несмотря на то, что дискуссии об организации практикоориентированного обучения велись задолго до внедрения «Обучения служением» в российскую систему высшего образования [2], эта программа, сочетая в себе проектный подход с формированием активной гражданской позиции, безусловно, следует рассматривать как инструмент ответа на глобальные вызовы [3].

Анализ работ, опубликованных за последние пять лет, наглядно показывает, как от описательных (Я.А. Асланов и др. [4], Л.А. Дейкова [5], Т. Печегина, А. Яшина [6]) или методических статей (Д.А. Кружков [7], Д.С. Бухаров [8], Н.И. Горлова, Л.И. Старовойтова [9]) научная мысль все больше движется в сторону фундаментальных философских и методологических исследований образовательного подхода «Обучение служением» (В.С. Никольский [1], В.Ю. Кулькова [2]).

Развитие российской методологии «Обучения служением» изначально являлось одним из ключевых направлений работы [10, С. 18]. Однако до настоящего времени, как нам известно, опубликовано ограниченное число работ, обращающихся к концепту «Служение» как основе философии не только «Обучения служением», но и университетской идентичности [1].

Между тем, именно аксиологический аспект представляется наиболее важным предметом научных исследований. Цель нашего исследования – критически рассмотреть аксиологический базис методологии «Обучения служением» как обязательной дисциплины в российских университетах. Фактически, в настоящей статье мы предпринимаем попытку рассмотреть аксиологию «Обучения служением» в

российском образовательном, социокультурном и лингвокультурологическом измерениях.

Будучи междисциплинарным, наше исследование находится на стыке лингвистики, педагогики, лингвокультурологии и философии, что объясняет выбор методов: описательный, сравнительно-сопоставительный, структурный, метод моделирования, доминантный и дискурсивный анализ, а также элементы контент-анализа.

Анализируя опыт реализации «Обучения служением» в Московском государственном лингвистическом университете, а также исследуя опыт коллег из других вузов, мы обратили внимание на ряд общих проблемных мест, из которых одним из наиболее распространенных является осторожное отношение к внедряемой методике при первичном знакомстве с ней.

Размышляя над причиной подобного непонимания и настороженного восприятия словосочетания «Обучение служением» как со стороны коллег-преподавателей, так и со стороны студентов, мы выдвинули гипотезу о несовпадении содержания концепта «Служение» в русском дискурсе и в дискурсе стран, откуда данный подход был заимствован. Ранее в научных работах были описаны дискуссии по поводу адекватности перевода методического термина. Мы разделяем мнение ученых о том, что данный перевод является вполне релевантным содержанию методического термина [10], однако видим определенный *дискурсивный разрыв* (*см. параграф Дискурсивный анализ*).

Следующим важным фактором неприятия словосочетания «Обучение служением» мы считаем *социокультурный разрыв* между опытом России как преемницы Советского Союза и Российской империи. Вышедшая в момент написания данной статьи работа В.С. Никольского «Российский университет в поисках идентичности: служение как способ бытия в культуре» свидетельствует об актуальности описываемой нами проблемы [1].

И, наконец, последним – возможно наиболее существенным фактором – мы считаем *методологический разрыв* между государственной политикой, нацеленной на формирование традиционных духовно-нравственных ценностей, и конструктивистской природой образовательного подхода «Обучение служением» в странах дальнего зарубежья.

Обобщая все перечисленные нами факторы в одну гипотезу, мы полагаем, что дальнейшее развитие отечественной методологической школы «Обучения служением», а также эффективная реализация данного образовательного подхода в российских университетах детерминировано разрешением накопившихся противоречий – методологического, дискурсивного и социокультурного характера.

Основная часть. ***Проблема формирования традиционных духовно-нравственных ценностей конструктивистскими методами. Методологический разрыв.*** Важным фактором, детерминирующим российскую методологию «Обучения служением», является разрыв между конструктивистской природой этого образовательного подхода [11] и государственной аксиологией Российской Федерации, лежащей в плоскости традиционных ценностей. Указанный фактор не является неразрешимым противоречием. Мы полагаем, что его необходимо описать и в дальнейшем учитывать при реализации федеральной программы «Обучение служением» в российских университетах. Игнорирование данного фактора, по нашему мнению, может привести к формальной реализации «Обучения служением», что противоположно целевой государственной модели.

Конструктивистский подход нередко противопоставляется традиционализму как в философии, так и в педагогике и рассматривается как противоположная

образовательная парадигма [12]. Одним из самых частых критических замечаний в адрес конструктивизма является формирование ценностного релятивизма. Для снятия данного противоречия мы полагаем необходимым подчеркнуть специфику реализации «Обучения служением» в России: конструктивизм как философия и образовательная парадигма не может лежать в основе методологии «Обучения служением»; более эффективной стратегией представляется использование отдельных конструктивистских методов. Кроме того, мы считаем принципиально важным в большей степени ориентироваться на отечественную (советскую) педагогическую мысль в вопросе применения конструктивистских методик, поскольку советским педагогам удалось успешно реализовать конструктивистский образовательный подход в условиях централизованного государства, обладающего аксиологической позицией.

Основным отличием конструктивизма от традиционной педагогики является постулат о невозможности транслировать знания от учителя к ученику, от преподавателя к студенту. Обучающийся рассматривается как активный субъект образования, детерминирующий процесс обучения. Нисколько не умаляя данного тезиса и соглашаясь с тем, что обучающийся должен быть активным субъектом образовательных отношений, мы тем не менее полагаем, что дать ведущую роль обучающемуся в «Обучении служением» не представляется возможным, поскольку в противном случае будет утеряна работа по формированию традиционных духовно-нравственных ценностей. В обществе, разделяющем традиционные духовно-нравственные ценности, значимость формирования ценностей предметом дискуссии не становится. Большая часть традиционных ценностей – коллективизм или служение Отечеству, приоритет духовного над материальным или патриотизм, фактически передаются от поколения к поколению традиционным способом: от старшего к младшему путем демонстрации собственного примера или через ценностную беседу. Такой способ применяется в реализации государственной образовательной политики в молодежной сфере и в области воспитательной работы. Например, название Дня единых действий «Добро как норма жизни» выступает ориентиром, и понятие «Добро» характеризуется как традиционная ценность, в то время как для конструктивистской парадигмы название могло бы звучать так: «Добро: норма ли это жизни?»

Будучи студентами университета и воспринимая самих себя как людей со сложившимся мировоззрением, молодые люди зачастую сталкиваются с определенным кризисом идентичности, с одной стороны, а с другой, – с целенаправленной работой университета по формированию новой гражданской идентичности. В некоторых случаях наблюдаются отличия и расхождения, обусловленные предыдущим жизненным опытом молодых людей. В случае существования подобного противоречия, опора на предыдущий опыт обучающегося – сильную сторону конструктивистского подхода – не представляется возможной. Опыт по сути создается университетом заново – путем включения обучающихся в различные воспитательные мероприятия, посредством создания привлекательной социокультурной среды – создания социального контекста обучения [4].

Информационное пространство не дает обучающемуся основу для формирования идентичности, поскольку представляет собой смешение различных видов дискурсов, часто используемых как средство когнитивного воздействия на психику молодого человека. Информационная турбулентность и нарастание противоречий, сопровождаемые кризисом идентичности у обучающихся (а также и у некоторых преподавателей) становится причиной, по которой позиция преподавателя, реализующего «Обучение служением» будет смещаться от преподавателя-

«фасилитатора» (конструктивистский подход) в сторону традиционного учителя, выступающего в роли источника знаний и носителя традиционных ценностей [4]. Специфика работы фасилитатора заключается в одобрении любой мысли, которую выскажет обучающийся; любой инициативы, которую обучающийся сочтет нужным предложить. В контексте конструктивистской образовательной парадигмы данный подход к ведению дискуссии как раз способствует формированию ценностного релятивизма в отличие от аксиологической парадигмы, транслируемой российским образовательным сообществом.

В классическом понимании фасилитатор не является примером или ролевой моделью для участников группы. Более того, если обратиться к этимологии слова (от лат. *facilis* – легкий, простой), в функционал фасилитатора изначально входит именно обеспечение удобства и простоты, что не всегда соотносится с процессом передачи традиционных ценностей. Вторичное конструирование ценностей – а именно об этом процессе мы говорим в текущих реалиях – процесс зачастую не простой и не может и не должен быть таковым по своей сути. В ценностной образовательной парадигме учитель, наставник – это всегда ролевая модель и пример для подражания, что означает не столько моральное и нравственное превосходство, сколько осознание собственной ответственности за любое вербальное и невербальное поведение и социальной значимости собственного образа.

Важно также отметить, что роль фасилитатора подразумевает приоритет групповой работы – этот же постулат разделяет и методология «Обучения служением» за рубежом, а также методология проектного обучения. Однако для российской методологии «Обучения служением», на наш взгляд, должно быть предусмотрено и индивидуальное выполнение проекта, основанного на ценностных ориентирах.

Конструктивистский подход при реализации «Обучения служением» в российских государственных университетах имеет смысл применять в качестве отдельных методических инновационных приемов, как методику, методический инструмент, и применение его должно идти в сочетании с ценностно-ориентированным обучением.

Компаративный анализ содержания лингвоконцепта «служение» и термина «Обучение служением» в русском, английском и немецком педагогическом дискурсе. Для настоящего исследования анализ лингвоконцепта «служение» является инструментом выявления расхождений в понимании значений слова «служение», а также дискурсивного употребления с целью прогнозирования аксиологических несоответствий при трансфере методологии «Обучение служением» из западного научного дискурса в российский. Мы полагаем возможным с помощью лингвистического инструментария выявить причины осторожного отношения к термину «Обучение служением» большим количеством людей, которые впервые сталкиваются с ним.

При проведении компаративного анализа содержания лингвоконцепта «служение» с целью выявления его аксиологических оснований, мы обращались к словарям и корпусам на английском, русском и немецком языках. Выбор иностранных языков обусловлен тем, что в Германии и в США образовательный подход «Обучение служением» достаточно распространен [13].

В ходе анализа выделено два важных фактора, которые могут оказывать влияние на реализацию образовательного подхода в конкретной лингвокультуре.

В ходе анализа нами выделено два важных фактора, оказывающих влияние на реализацию образовательной политики.

Первый фактор связан с установленным нами **расхождением в семантических полях и аксиологических доминантах**. Анализ примеров из Национального корпуса русского языка позволяет сделать следующие выводы. В русском языке служение всегда относится к высшему и большему (*служение науке, служение театру, служение искусству*); высшее и большее при этом может быть абстрактной идеей или социальной группой (*служение обществу, служение общественному благу*). Важно, что служение связано с личным выбором агента служения, поскольку в само слово заложено значение жертвенности, отказа от части себя / от своих интересов ради чего-то более значимого. Религиозное значение служения – одно из наиболее частотных (*служение Богу, служение церкви, служение Момоне, служение вселенской Истине, служение истинному христианству, монашеское служение*).

Если углубляться в этимологический и сравнительный лингвистический анализ слова *служение*, то можно обнаружить следующие связи: в греческом языке слово служение – διακονία, а служитель – διάκονος, в латинском – ministerium и mininister соответственно. Если исходить из ветхозаветной социальной модели, выраженной в данных словах, служение неразрывно связано не только с религиозной деятельностью и культом, но и с государственным управлением [14].

Если отталкиваться от значения служения в русском языке, можно обнаружить, что оно сохранило это первозначение, достаточно полно отражающее традиционную парадигму социального устройства и государственного управления. Возможно, именно поэтому, когда обучающиеся и преподаватели понимают, в чем суть «Обучения служением», подавляющее большинство реагирует на идею аксиологического образовательного подхода положительно.

Немецкий термин, применяемый в контексте подхода «Обучение служением» Engagement (*заимствование из французского языка*) – вовлеченность (во что-то большее), направленная на социальные изменения, личное участие в общем деле по мировоззренческим соображениям, чувство долга по отношению к чему-л. (какой-л. идее). В рамках подхода «Обучение служением» с конца 2000-х гг. употребляется еще термин «Bildung durch Verantwortung» – образование/обучение через ответственность, под которым подразумевается ответственность вузов перед обществом [3; 15].

Анализ примеров из корпуса английского языка на основе Кембриджского словаря показывает следующие значения термина *service*: *услуга, служба* (государственная, в т. ч. военная), служба (религ.), сервис, сервировка, обслуживание.

Английский (американский) – обслуживание, услуга, служба (религ), служение (как вклад в общественное благополучие, работа на общественных началах).

Таким образом, можно сделать вывод о сходстве значений «служения» между американским английским и немецким дискурсом, что во многом обусловлено общими религиозными христианскими идеями протестантизма и, возможно, отчасти католицизма.

Второй фактор проистекает из первого и проявляется в **терминологических различиях**. Использование в русскоязычном наименовании методики слова «служение», несущего мощный культурно-исторический и аксиологический багаж, изначально создает диссонанс с прагматичной ориентацией зарубежного подхода, фокусирующегося на практических навыках и гражданской активности. Это объясняет первоначальное негативное восприятие термина, которое, однако, сменяется позитивным, когда реципиенты знакомятся с сутью методологии, близкой традиционной для русской культуры парадигме социального служения.

Проведенный нами анализ подтверждает, что расхождения в содержании понятия «служение» являются критически важным элементом для прогнозирования и

минимизации аксиологических несоответствий при адаптации образовательных инноваций и их применения в образовательном процессе.

Социокультурный разрыв. Социокультурный разрыв, осложняющий внедрение подхода «Обучение служением» в России, наиболее рельефно проявляется при анализе лежащих в его основе культурных архетипов. Как справедливо отметил философ Павел Щелин, можно выделить два принципиально разных типа агентов служения: **«Супергерой» и «Святой»**[1]. Эта метафора, по нашему мнению, является ключом к пониманию различий в восприятии служения в западном и российском дискурсе.

Архетип «Святой», сформированный православной традицией и историей, реализует служение как деятельность, онтологически сопряженную с сакральным смыслом и жертвенностью. Рассмотрим некоторые сущностные характеристики служения в соответствии с архетипом «Святой».

Служение характеризуется наличием трансцендентной цели и всегда обращено к чему-то высшему (Бог, Отечество, Истина, Народ как соборная общность), что придает ему надличностный характер. Служение «Святого» ориентировано на идеал соборного спасения (польза для всей «Святой Руси»), что коррелирует с ценностью коллективизма.

Неотъемлемым атрибутом является жертва (отказ от личных интересов, комфорта), возводящая служение в ранг духовного подвига. В основе лежит принцип кенозиса – сознательного самоуничижения и отречения от собственной воли ради высшей цели. Иллюстрацией подобного служения может быть подвиг святых Бориса и Глеба или Сергия Радонежского.

Путь «Святого» – это результат глубокого внутреннего выбора и постоянной духовной работы над собой («умного делания»). Влияние на мир является не прямой целью, а естественным следствием внутренней святости и пребывания «в правде». По этой причине формальное, лишенное экзистенциальной глубины выполнение обязанностей воспринимается как фарс, профанация сакрального смысла. Решение проблемы не означает прекращение пути Святого. Путь Святого длится всю жизнь и устремлен в вечность.

Зарубежный дискурс, укорененный в протестантской этике и прагматизме, порождает иную модель: служение как эффективное действие. Дискурс, укорененный в традициях протестантской этики, прагматизма и гражданского общества, порождает архетип «Супергероя».

Важными характеристиками «Супергероя» являются внешняя сила и эффективность. «Супергерой» – это, прежде всего, эффективный менеджер социальных проблем. Его «служение» направлено на конкретное, видимое изменение мира к лучшему. Его сила часто воспринимается как некий внешний дар, талант или ресурс (*superpower*), который нужно реализовать.

Избранность «Супергероя» может быть не столько результатом внутреннего выбора, сколько бременем, случайно появившейся извне ответственностью. Акцент смещается с внутреннего преображения личности на внешнюю, проектную активность. Это соответствует логике *servant leadership* (сервант-лидерства), где лидер – это поставщик услуг для своей команды и общества, а не носитель сакральной миссии. История Супергероя заканчивается, как только исчезает угроза.

[1] Служение vs Свобода: В чём главный выбор русской интеллигенции? Павел Щелин - смотреть онлайн в поиске Яндекса по Видео.

Представленный выше сравнительный анализ не означает призыв к переносу методологии «Обучения служением» в религиозный дискурс, однако мы считаем необходимым подчеркнуть важность существующих различий в методологии, обусловленных межцивилизационными различиями. Разработка методологии «Обучения служением» возможна только с учетом исторического российского прошлого, когда служение приобретало конфликтную природу. Ярким примером является движение народничества 1870-х гг. и дальнейшее выделение российской интеллигенции в отдельную субкультуру[2]. Движение «хождения в народ» изначально было актом служения, но это служение очень быстро приобрело двойственную природу[3]. С одной стороны, это была искренняя жертвенная попытка просвещения и помощи народу («светская аскеза» интеллигенции). С другой – оно стало формой идеологического и политического противостояния государству.

Упомянутый исторический прецедент демонстрирует ключевую проблему: в российском контексте служение «обществу» или «народу» при «умелом» управлении информационными потоками может приобрести манипулятивный характер, реализующий подмену ценностного содержания «Обучения служением». Это создает сложное семантическое поле, в котором необходимо четко разграничивать понятия и акцентировать созидательный потенциал служения через разные формы его реализации – индивидуальные и групповые, основанные на архетипе «Святого», понимаемого как служение целому, народу, Отечеству.

«Обучение служением» необходимо позиционировать как осмысленный акт ответственности и долга перед страной и ее культурой, укорененный в традиционных ценностях (патриотизм, коллективизм, приоритет духовного) при подчеркивании права реализации профессиональной и личностной свободы в выборе сферы проявления. Ценностное наполнение «Обучения служением» обеспечивает его плавное осознанное внедрение в образовательный ландшафт российского университета.

Заключение. Проведенное теоретико-методологическое исследование позволяет утверждать, что успешное внедрение и развитие ценностного подхода «Обучение служением» в российскую систему высшего образования детерминировано необходимостью осмысленного решения ряда фундаментальных проблем.

В результате междисциплинарного анализа, сочетающего лингвистические, философские и педагогические методы, были выявлены и охарактеризованы ключевые особенности, которые могут сформировать основу аутентичной российской методологии «Обучения служением»:

1. *Приоритет ценностной парадигмы при избирательном использовании конструктивистского инструментария.* Конструктивизм как целостная философско-педагогическая парадигма, с его риском ценностного релятивизма, не может быть положен в основу методологии, нацеленной на формирование традиционных духовно-нравственных ценностей. Однако отдельные конструктивистские методы, в адаптированном варианте с учетом отечественного (в том числе советского) педагогического опыта для повышения активности и вовлеченности обучающихся в эту осознанную и практико-ориентированную деятельность, могут и должны применяться для повышения активности и вовлеченности студентов.

2. *Аксиологическое доминирование российского лингвоконцепта «Служение».* Компаративный анализ демонстрирует смысловое расхождение между русским

[2] Служение vs Свобода: В чём главный выбор русской интеллигенции? Павел Щелин - смотреть онлайн в поиске Яндекса по Видео.
[3] Щелин, там же.

понятием «служение», неразрывно связанным с сакральным, жертвенным служением Высшему началу (Богу, Отечеству, Идее), и его функциональными эквивалентами в западных дискурсах («service», «Engagement»), тяготеющими к понятиям услуги, сервиса и социального участия. Это обуславливает принципиально различное понимание управленческих и образовательных парадигм.

3. *Учет специфики отечественного социокультурного и исторического контекста.* Российская методология призвана учитывать уникальный исторический опыт служения, в том числе опыт российской интеллигенции, и опираться на аутентичные модели, метафорически близкие к архетипу «Святого» (как осознанный личный выбор и внутренняя работа).

Таким образом, дальнейшее развитие «Обучения служением» в России видится в осмысленном заимствовании зарубежных моделей, в их аксиологической фильтрации и синтезе с отечественными педагогическими традициями. Сконструированная методология призвана служить стратегической цели российского высшего образования – формированию у выпускников профессиональных компетенций и устойчивой гражданской идентичности, основанной на традиционных ценностях. При условии преодоления выявленных разрывов «Обучение служением» сможет реализовать свой потенциал в укреплении идентичности российского университета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Никольский В. С. Российский университет в поисках идентичности: служение как способ бытия в культуре / В. С. Никольский // Высшее образование в России. – 2025. – Т. 34, № 10. – С. 10-26. – DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-10-10-26. – EDN GJVWAF.
2. Кулькова В. Ю. Реализация федеральной программы «Обучение служением» в проектном обучении: оценка результатов / В. Ю. Кулькова // Экономическая среда. – 2025. – Т. 14, № 2. – С. 45-51. – DOI: 10.22394/ee252.45-51. – EDN GKUNLX.
3. Mortari L., Ubbiali M. Service Learning: A Philosophy and Practice to Reframe Higher Education / L. Mortari, M. Ubbiali // Athens Journal of Education. – 2021. – No. 8. – P. 115-138. – DOI : 10.30958/aje.8-2-1.
4. Детерминанты успешности и риски реализации подхода «Обучение служением» в условиях проектно-ориентированного обучения / Я. А. Асланов, Л. С. Деточенко, А. П. Лепин, Е. В. Мартынова // Высшее образование в России. – 2024. – Т. 33, № 8-9. – С. 63-83. – DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-8-9-63-83. – EDN BYPLBB.
5. Дейкова Л. А. Программа «обучение служением» в российских вузах - истоки и перспективы / Л. А. Дейкова // Лучшие практики победителей Всероссийского конкурса "Золотые Имена Высшей Школы" : Сборник научных статей участников VI Национальной научно-практической сессии, Москва, 17 ноября – 22 2023 года. – Москва: Образование. Пресс, 2023. – С. 80-86. – EDN FURBCA.
6. Печегина Т. «Обучение служением». Мировой тренд приходит в Россию / Т. Печегина, А. Яшина // Позитивные изменения. – 2023. – Т. 3, № 3. – С. 15-25. – EDN FIIPKE.
7. Кружков Д. А. Потенциал «обучения служением» для подготовки кадров в сфере туризма и гостеприимства / Д. А. Кружков // Интегрированные коммуникации в спорте и туризме: образование, тенденции, международный опыт. – 2024. – № 1. – С. 115-117. – EDN GRJKYJ.
8. Бухаров Д. С. Обучение служением: способ развития личностных компетенций будущего педагога / Д. С. Бухаров // Современное педагогическое образование. – 2024. – № 5. – С. 259-265. – EDN UYFSBZ.
9. Горлова, Н. И. Обучение служением: методика формирования гражданской активности и социальной ответственности студенческой молодежи / Н. И. Горлова, Л. И. Старовойтова // ЦИТИСЭ. – 2024. – № 2(40). – С. 17-31. – EDN ZPIKQQ.
10. Обучение служением: ключевые результаты исследования зарубежного опыта: Доклад к XXIV Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2023 г. / Д. И. Земцов, А. П. Метелев, А. В. Яшина [и др.]. – Москва: Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", 2023. – 24 с. – ISBN 978-5-7598-2788-7. – EDN QIPQVB.
11. Furco A. Service-learning: a balanced approach to experiential education [Электронный ресурс] / A. Furco // Expanding Boundaries: Serving and Learning. – Washington, DC: Corporation for National

Service, 1996. – P. 2-6. – URL: https://digitalcommons.unomaha.edu/slceslgen/128. (дата обращения: 21.01.2026).
12. Никольский В. С. Обучение служением в России: становление предметного поля / В. С. Никольский // Высшее образование в России. – 2023. – Т. 32, № 12. – С. 9-28. – DOI 10.31992/0869-3617-2023-32-12-9-28. – EDN PWWCVL.
13. Ryan R. M. Self-determination theory: Basic psychological needs in motivation, development, and wellness / R. M. Ryan, E. L. Deci. – New York: Guilford Press EBooks, 2017. – DOI: 10.1521/978.14625/28806.
14. Словарь библейского богословия / под ред. К. Леон-Дюфура, Ж. Люпласи, А. Жоржа, П. Грело, Ж. Гийе, М.-Ф. Лакана [Электронный ресурс]. – URL: https://azbyka.org/otechnik/Spravochniki/slovar-biblejskogo-bogoslovija. (дата обращения: 19.01.2026).
15. Sporer Th., Eichert A., Brombach J., Apffelstaedt M., Gnädig R., Starnecker A. Service Learning an Hochschulen: das Augsburger Modell [Электронный ресурс] / Th. Sporer, A. Eichert, J. Brombach, M. Apffelstaedt, R. Gnädig, A. Starnecker. – URL: https://tud.qucosa.de/api/qucosa%3A25701/attachment/ATT-0. (дата обращения: 19.01.2026).

REFERENCES

1. Nikolskiy, V.S. (2025) Russian University in Search of Identity: Service as a Way of Being in Culture. *Higher Education in Russia*. 34(10), 10–26, doi: 10.31992/0869-3617-2025-34-10-10-26. (In Russian).
2. Kulkova, V.Yu. (2025) Implementation of the Federal Program "Servicing training" in Project-based Learning: Results Evaluation. *Economic Environment*. 14(2), 45–51, doi: 10.22394/ee252.45-51. (In Russian).
3. Mortari, L., Ubbiali, M. (2021) Service Learning: A Philosophy and Practice to Reframe Higher Education. *Athens Journal of Education*. 8, 115–138, doi: 10.30958/aje.8-2-1.
4. Aslanov, Ya.A., Detochenko, L.S., Lepin, A.P., Martynova, E.V. (2024) Determinants of Success and Risks of Implementing the “Service Learning” Approach in a Project-Oriented Learning Environment. *Higher Education in Russia*. 33(8–9), 63–83, doi: 10.31992/0869-3617-2024-33-8-9-63-83. (In Russian).
5. Deikova, L.A. (2023) [The Programme “Service Learning” in Russian Universities – Origin and Perspectives]. In: *Luchshie praktiki pobeditelei Vserossiiskogo konkursa "Zolotye Imena Vysshei Shkoly": sbornik nauchnykh statei uchastnikov VI Natsional'noi nauchno-prakticheskoi sessii* [Best practices of the winners of the All-Russian competition "Golden Names of Higher Education": proceedings of the VI National scientific and practical session, Nov. Nov. 17 2023]. Moscow: Obrazovanie. Press, pp. 80–86. (In Russian).
6. Pechegina, T., Yashina, A. (2023) Service Learning: Global Trend Comes to Russia. *Positive Changes*. 3(3), 15–25. (In Russian).
7. Kruzhkov, D.A. (2024) Potentsial «obucheniya sluzhenieM» dlya podgotovki kadrov v sfere turizma i gostepriimstva [The Potential of Service-Learning for Tourism and Hospitality Professional Development]. In: *Integrirovannye kommunikatsii v sporte i turizme: obrazovanie, tendentsii, mezhdunarodnyi opyt* [Integrated Communications in Sports and Tourism: Education, Trends, and International Experience]. No. 1, pp. 115–117. (In Russian).
8. Bukharov, D.S. (2024) Service-Learning: A Way to Develop the Personal Competencies of a Future Teacher. *Modern Pedagogical Education*. 5, 259–265. (In Russian).
9. Gorlova, N.I., Starovoitova, L.I. (2024) "Service Learning": A Methodology for the Formation of Civic Engagement and Social Responsibility of Students. *TSITISE*. 2(40), 17–31. (In Russian).
10. Obuchenie sluzheniem: klyuchevye rezul'taty issledovaniya zarubezhnogo opyta [Service-learning: Key findings from a study of international experience:] (2023). In: *XXIV Yasinskoi (Aprel'skoi) mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii po problemam razvitiya ehkonomiki i obshchestva* [Report for the XXIV Yasinsky (April) International Scientific Conference on Problems of Economic and Social Development], Moscow, 2023 / D.I. Zemtsov, A.P. Metelev, A.V. Yashina [et al.]. Moscow: HSE, 24 p. ISBN: 978-5-7598-2788-7. (In Russian).
11. Furco, A. (1996) Service-learning: A Balanced Approach to Experiential Education. In: *Expanding Boundaries: Serving and Learning*. Washington, DC: Corporation for National Service, pp. 2–6. Retrieved from: https://digitalcommons.unomaha.edu/slceslgen/128. (accessed: 21.01.2026).
12. Nikolskiy, V.S. (2023) Service Learning in Russia: Scoping Review. *Higher Education in Russia*. 32(12), 9–28, doi: 10.31992/0869-3617-2023-32-12-9-28. (In Russian).
13. Ryan, R.M., Deci, E.L. (2017). Self-determination Theory: Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness. New York: Guilford Press EBooks, doi: 10.1521/978.14625/28806.

14. Slovar' bibleiskogo bogosloviya [Dictionary of Biblical Theology] / (ed. by) K. Leon-Dyufura, ZH. Lyuplasi, A. Zhorzha, P. Grelo, ZH. Giie, M.-F. Lakana. Retrieved from: https://azbyka.org/otechnik/Spravochniki/slovar-biblejskogo-bogoslovija. (accessed: 19.01.2026). (In Russian).
15. Sporer, Th., Eichert, A., Brombach, J., Apffelstaedt, M., Gnädig, R., Starnecker, A. Service Learning an Hochschulen: das Augsburger Modell. Retrieved from: https://tud.qucosa.de/api/qucosa%3A25701/attachment/ATT-0. (accessed: 19.01.2026).

AXIOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE EDUCATIONAL APPROACH "SERVICE-LEARNING" IN A RUSSIAN UNIVERSITY

D. A. Fursova*, *D. A. Demina, I. A. Guseynova, A. I. Gorozhanov

The study focuses on resolving the contradictions that arise when implementing "service-learning" in the Russian educational context. It is concluded that the development of a domestic "service-learning" methodology is based not on direct borrowing, but on the axiological adaptation of Western practices, their synthesis with the priority of traditional values and the domestic pedagogical tradition to overcome existing barriers and develop the civic identity of university graduates.

Key words: Service-learning, axiology of service, service-learning methodology, linguoconcept "Service", discourse analysis, archetypes of service agents

Поступила в редакцию 30.04.2026 г.

Фурсова Дарья Аветисовна
кандидат культурологии,
ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет», Москва, Россия.
E-mail: da_fursova@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4629-8506.

Fursova Darya Avetisovna
Candidate of Culturology,
FSBEI HE “Moscow State Linguistic University”, Moscow, Russia.
ORCID: 0000-0002-4629-8506.
E-mail: da_fursova@mail.ru

Демина Дарья Аркадьевна
кандидат педагогических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет», Москва, Россия.
E-mail: dasha_k@mail.ru
ORCID: 0009-0003-5161-9831.

Demina Darya Arkadievna
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
FSBEI HE “Moscow State Linguistic University”, Moscow, Russia.
ORCID: 0009-0003-5161-9831.
E-mail: dasha_k@mail.ru

Гусейнова Иннара Алиевна
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет», Москва, Россия.
E-mail: ginnap@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6544-699X.

Guseynova Innara Alievna
Doctor of Philology, Professor,
FSBEI HE “Moscow State Linguistic University”, Moscow, Russia.
ORCID: 0000-0002-6544-699X.

Горожанов Алексей Иванович
Доктор филологических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет», Москва, Россия.
E-mail: a_gorozhanov@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2280-1282.

Gorozhanov Alexey Ivanovich
Doctor of Philology, Associate Professor,
FSBEI HE “Moscow State Linguistic University”, Moscow, Russia.
ORCID: 0000-0003-2280-1282.
E-mail: a_gorozhanov@mail.ru